

УДК 130.2

DOI: 10.34670/AR.2026.83.81.009

Самобытность культуры государственной власти и управления в России во второй половине XIX – 20 годы XX века: культурфилософский аспект

Сенько Александр Валерьевич

Аспирант кафедры философии и культурологии,
Алтайский государственный педагогический университет,
656031, Российская Федерация, Барнаул, ул. Молодежная, 5;
e-mail: senko.aleksander2017@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается посредством культурфилософского осмысления самобытность культуры государственной власти и управления в России во второй половине XIX – 20 годы XX века. Методологическая основа базируется на трех идеологических парадигмах: консервативной, либеральной и радикальной. Суть которых отражает функционирование механизмов государственной власти, её специфику и внутреннюю диалектичность. Каждая идеологическая платформа формирует свою стратегию и базисное понимание исходя из основных положений или практик. Для консерватизма важнейшим элементом служит теория официальной народности С.С. Уварова — «православие, самодержавие, народность». Для либерализма — идеи К.Д. Кавелина, сформулированные им в документе «Записка об освобождении крестьян» (1855) и заложившие эволюционный либерализм, выразившийся в реформах «сверху». Для радикализма — идеи А.И. Герцена и М.А. Бакунина, приведшие к разного рода радикализации общества и девальвации власти. Кризисные явления в различных сферах общества, проявившиеся в революции 1905–1907 гг., наиболее ярко сказались в революциях 1917 года, определив новое направление движения государства, на новых условиях и с новой структурой государственной власти и идеологии — советской. Но с прежним культурным ядром в области самобытности культуры государственной власти и управления.

Для цитирования в научных исследованиях

Сенько А.В. Самобытность культуры государственной власти и управления в России во второй половине XIX – 20 годы XX века: культурфилософский аспект // Культура и цивилизация. 2026. Том 16. № 2А. С. 76-85. DOI: 10.34670/AR.2026.83.81.009

Ключевые слова

Самобытность, бюрократизм, консерватизм, либерализм, радикализм, управление рисками, методология исследования.

Введение

Культурно-философский анализ государственной власти в России периода второй половины XIX - начала XX столетия раскрывает уникальную модель социально-политического развития, характеризующуюся глубокими внутренними трансформациями и парадоксальным сочетанием традиционалистских и модернизационных тенденций.

Ключевые особенности российской государственной системы в этот период формируются на пересечении нескольких цивилизационных парадигм:

1. Имперская традиция: сохранение вертикали централизованной власти, иерархичность социальных структур и доминирование патерналистской модели управления.

2. Модернизационные импульсы: активные попытки трансформации социально-экономических институтов, частичная либерализация государственного устройства.

3. Социокультурные разломы: нарастающее противоречие между консервативными государственными практиками и революционными настроениями различных социальных групп.

Культурфилософское осмысление данного периода демонстрирует складывание уникального властного дискурса, где традиция и модернизация вступают в сложный диалектический взаимообмен, порождая принципиально новые формы государственности. Особую роль играют идеологические концепции консерватизма, либерализма и радикализма, которые формируют многовекторное поле интерпретаций социально-политической реальности, определяя стратегии развития российской государственности.

Основная часть

Самобытность культуры государственной власти и управления в России во второй половине XIX – 20-е годы XX века проявилась в различных культурных элементах структуры империи и республики. От бытовых мифотворческих единиц, до идеолого-политических систем, задающих динамику развития, и перекликающихся с европейскими философскими концептами. При этом, не забывая об исконных формах в различных сферах жизни общества. Кроме того, весьма важным считается в этот хронологический период: переход от самодержавной монархии к советской власти, что привело к кардинальной смене культурных основ в области управления и не только. В конце XIX века была культура самодержавия с бюрократическим аппаратом, опирающимся на сословные и корпоративные принципы. После революции 1917 года произошел слом старой системы и внедрение новой, советской, культуры управления, основанной на марксистско-ленинской идеологии, однопартийной системе и тотальном контроле над всеми сферами жизни. В связи с этим приобретает немаловажность понимания культурных основ, паттернов, и платформ, через которые можно продуктивно управлять таким массивным строением как государство, на русской почве, и сегодня.

Культурфилософский анализ государственной власти берет свое начало с исследования ключевых структурных элементов, где центральным становится раскрытие уникальных характеристик национальной системы управления. Методологическая основа такого подхода базируется на трех магистральных идеологических парадигмах: консервативной, либеральной и радикальной. Каждое из этих направлений предлагает собственную интерпретацию механизмов государственного устройства, демонстрируя многогранность и внутреннюю диалектику властных отношений. Через призму указанных идеологем становится возможным

комплексное постижение аксиологической природы управленческих стратегий, их ценностных оснований и потенциала трансформации. Взаимодействие и конфронтация консервативных, либеральных и радикальных концепций позволяют всесторонне охарактеризовать сущностные принципы государственного управления, раскрыть вариативность его теоретических и практических моделей.

Так, консерватизм, как наиболее ранняя концепция, на территории государственности возникла при Иване IV, и утвердилась в правление Петра I. К середине века она пришла в форме триады, выдвинутой С.С. Уваровым — «православие, самодержавие, народность» (теория официальной народности). И это весьма не маловажно, так как основной сутью данной идеологии, являлось сохранение традиционного уклада, в различных ее аспектах.

При исследовании особенностей культурного своеобразия государственного устройства в России с позиции философии культуры значительное внимание привлекает концепция, разработанная Сергеем Уваровым. Данная теория раскрывает уникальную модель национального развития, основанную на глубоком понимании культурных и политических процессов. Концептуальный подход Уварова позволяет взглянуть на формирование российской государственности через призму культурфилософского анализа. Научная ценность его воззрений заключается в системном осмыслении взаимосвязи между социальными институтами, культурными традициями и государственным управлением. Теория предлагает оригинальную интерпретацию национальной идентичности, раскрывающую своеобразие российского социокультурного пространства. Оригинальность подхода Уварова состоит в комплексном рассмотрении факторов, определяющих самобытность государственной власти в контексте культурно-исторического развития России.

Нас в первую очередь интересует, второй элемент, самодержавие, которое для С. С. Уварова, являлось главной ценностью (на первом этапе), подразумевавший неограниченную власть. Данный институт играл исключительную роль, обладая огромной собственностью и колоссальным влиянием на экономику, социальную, духовную и политическую сферы, в том числе и через бюрократический аппарат. Центральная власть выстраивала административное деление исходя из генерал-губернаторств, учебных округов, епархий, приходов и пр. делений для социального регулирования через чиновничий аппарат, который во второй половине XIX века был весьма велик и достиг своего пика. Тем самым накапливалась оторванность статских служащих от жизни, выражавшаяся в коррупции, формализме и волоките, слабой нормативно-правовой базе, и в целом неповоротливости системы, в основе которой лежало монархическое правосознание. Данное состояние И. А. Ильин в работе «О монархии и республике», описал так: «Монархическое правосознание не склонно к скорому и легкому новаторству; напротив, оно склонно к выжиданию, к блюдению наличных законов; оно не охотно решается на радикальные реформы и, во всяком случае, берется за них только тогда, когда они назрели» [Ильин, 1979, с. 112].

Интерес в данном контексте вызывает статья В. В. Розанова, в которой чиновничество, как наиболее важный элемент монархического правосознания, представлено в следующем свете: «Россию сколотили, сбили и выкрасили чиновники. Россия вся есть произведение чиновника, творчество его; это есть “дом, им построенный”, по его разуму, по его вкусу, по его вдохновению...» [Розанов, 2013, с. 1]. И это весьма справедливо, если брать во внимание количество различных учреждений на каждом из уровней государственной власти. Другой мыслитель М. Н. Катков, в своей влиятельной тогда газете «Московские Ведомости» написал: «Жизнь наша полна была гнилых плодов и злоупотреблений. Причиной тому был, конечно, не

излишек самостоятельного развития различных жизненных сил, а наоборот подавление их всех одной единственной. Наука? — Не было науки, на месте ее была бюрократия. Право частной собственности? — Его не было, на месте его господствовала бюрократия. Закон и суд? — Суда не было, на месте его была бюрократия. Даже церковь была бюрократизирована» [Леонтович, 1995, с. 252].

Похожие идеи разделял Р. А. Фадеев, другой представитель консервативного направления русской общественно-политической мысли. Он описывал чиновничество, для которого характерен инстинкт к самосохранению и постоянное увеличение штата, ведущее к социально-политической мимикрии — «канцелярскому либерализму», особенно в условиях реформ Александра II. Кроме этого, важную составляющую видел в проработке вопроса о так называемом гражданском обществе, его подавлении в период Петра I и новом появлении во второй половине XIX века, после полуторавекового воспитательного периода, чисто искусственного и подражательного [Фадеев, 1889, с. 5]. О неравномерности и подражательности основ российского консерватизма писал Н. А. Бердяев, заостря внимание на отсутствии глубинной идейной основы. В своей работе «Судьба русского консерватизма», он писал: «Что случилось дальше с нашей консервативной мыслью? Она развивала одну половину славянофильского учения, заложенное в нем начало поклонения авторитету и соединилась она с традициями не литературными и не идейными, — с традициями нашей государственной практики. И поклонение идее власти незаметно перешло в холопство перед фактом власти, перед казенщиной жизни» [Бердяев, 1989, с. 4].

Мыслитель религиозно-консервативного направления, К. Н. Леонтьев, видел важную самобытную составляющую государственного управления в перенесении Византизма на русскую почву, выразившуюся в следующем: «Родовое монархическое чувство, этот Великорусский легитимизм, был сперва обращен на домъ Рюрика, а потомъ на домъ Романовыхъ» [Леонтьев, 1876, с. 13]. Тем самым считая его культурной идеей с символами принудительного начала в гражданском обществе и атрибутами характерными для него. По этой причине важную роль играли бюрократы разного уровня и направленности, укрепляющие империю, весьма ярким из которых был известный консерватор, государственный деятель К. П. Победоносцев. Первый его академический биограф — Р. Бирнс подчеркивал стремление обер-прокурора управлять «посредством людей, а не институтов» [Тесля, 2017, с. 166]. Это проходило в форме личных встреч и приёмов, что являлось весьма необычным для чиновника такого уровня, но в подобных действиях прослеживалась черта «всероссийского наставничества». Н. Леонтьев в письме к Т. И. Филиппову дает такую характеристику К. П. Победоносцеву: «Он как мороз; препятствует дальнейшему гниению, но расти при нём ничего не будет. Он не только не творец; он даже не реакционер, не восстановитель, не реставратор, он только консерватор в самом тесном смысле слова». Данная характеристика емкая по своему содержанию и показательная, выдает наиболее важные черты консервативно-охранительной системы существовавшей в период правления Александра III, но ростки либерализма, посаженные при его отце, весьма ярко стали пробиваться, не только в гражданской, но и государственной среде.

Зарождение либеральной идеологии в Российской империи и её становление как культурной парадигмы государственного управления непосредственно коррелирует с системным кризисом феодально-крепостнической формации. Трансформационные процессы социально-экономической структуры общества обусловили необходимость принципиально новых подходов к организации властных отношений. Либеральная концепция как альтернативная

модель, предлагающая принципиально иные механизмы социального взаимодействия и государственного устройства. Объективные противоречия существующей системы - социальная стратификация, жесткая иерархичность и архаичные институциональные практики актуализировали потребность в радикальных изменениях. Либерализм предложил модернизационную повестку, направленную на переосмысление традиционных властных институтов, расширение прав и свобод различных социальных групп. Генезис либеральной идеологии в российском контексте был обусловлен комплексом внутренних и внешних факторов, среди которых - экономическая модернизация, европейское интеллектуальное влияние и нарастающие кризисные явления в имперской системе управления.

Сам либерализм российского типа, весьма отличен от западного. Основные отличия состоят в пассивности личности, настроения образованных слоев находилось в подчинении господствующей философской теории, религиозности [Глухих, 1999, с. 49], что в целом дает понимание русской действительности в спектре данной идеолога политической концепции. Русский либерализм второй половины XIX века, считается не только политически обусловленным, но и философски осмысливаемым. Специфичность, которого заключается в поиске баланса между европейскими институтами и самобытными, примерами которого служат: отсутствие прочной социальной поддержки, антидемократические тенденции, конституционная монархия – наиболее лучшая форма правления, сильное консервативное начало или «консервативный либерализм», отсутствие гражданских свобод [Глухих, 1999, с. 49–50]. Наиболее ярко это прослеживается в идеях Б. Н. Чичерина.

Б. Н. Чичерин выдающийся философ, теоретик права, и основатель политической науки в России, был представителем либерализма, «охранительного» либерализма, а затем и классического. Суть, которого сводилась к сильной власти, ограничению бюрократического аппарата посредством более жестких мер, и соприкосновении мер позитивных, двигающих страну в перед, с мерами, стабилизирующими её. Но в ходе реформ, он пришел к мысли, что лозунг «реформы сверху», после их окончания, могут замедлить движение по этому пути, так как должны были бы опираться на институты, которые и были формально прогрессистского толка, но на самом деле тянули за собой шлейф старых пережитков. Отсутствие инициативы в исполнительности, враждебность к независимым силам – земствам например, замалчивание реальных проблем, отсутствие нравственного авторитета. Для преодоления этих проблем, им был выдвинут ряд рекомендаций: создание представительного учреждения, сбалансированность между центральными и местными органами, развитие земств. В своей работе «Конституционный вопрос в России», он ставил вопрос о политических свободах, тем самым переходя к классическому либерализму и важности реформирования, по причине того, что на данном уровне развития структура власти дала всё что смогла.

Другой представитель либерализма К. Д. Кавелин, считал, что только Россия может сочетать самодержавие и законный порядок: «Единственная страна, где возможен твёрдый законный порядок и широкие гражданские свободы при полноте самодержавной власти» [Кавелин, 1898, с. 1069–1070]. Выступал за административные реформы без ломки основ монархии; подчёркивал роль правового обычая и постепенного развития институтов. Видел в централизации средство против бюрократического произвола, а не против свобод. Подобные идеи, должна была вобрать в себя модель самодержавной республики. Данный подход заложил эволюционный либерализм, выразившийся в реформах «сверху» при опоре на просвещение и самоуправление. «Записка об освобождении крестьян» (1855), стала одним из ключевых документов, повлиявших на подготовку реформы 1861 года.

Радикализм как идеолого-политическая парадигма сформировался как кардинальная альтернатива, существующим моделям государственного устройства, предлагая принципиально новые стратегии трансформации социальных институтов. Ключевая особенность радикального подхода заключается в методологии тотального переустройства системы управления через фундаментальное переосмысление базовых принципов социального взаимодействия. В российском контексте радикализм представлял собой комплексную концепцию глубинных системных изменений, которая принципиально отрицала еще действующие консервативные и частично либеральные модели.

Радикальная идеология характеризовалась максимальной степенью критичности к существующему государственному порядку, демонстрируя готовность использовать революционные методы для достижения социально-политических трансформаций. Методологический инструментарий радикализма включал как теоретическое обоснование необходимости кардинальных изменений, так и практические стратегии их реализации. Влияние радикального направления на самобытность государственного управления проявилось в формировании принципиально новых концептуальных подходов к пониманию власти, социальной справедливости и механизмов общественного развития.

Радикализм в России XIX века в философском аспекте связан с поиском альтернативных путей развития общества, критикой существующего строя и поиском новых идей для преобразования России. Одной из основных причин появления и формирования данного направления является формирование полярно-противоположных точек зрения в обществе, особенно в условиях либеральных реформ. Он проявлялся в различных течениях — от народничества до анархизма, и был обусловлен как внутренними социально-политическими условиями, так и влиянием европейской философской мысли. Общими черта философского радикализма считаются: критика существующего строя; поиск альтернатив; акцент на роли личности или народа; влияние европейской мысли; противоречивость и эволюция взглядов. Наиболее яркие представители А. И. Герцен и М. А. Бакунин.

А. И. Герцен — одна из ключевых фигур, заложивших основы радикальной мысли в России. В 1850–1860-е годы он разработал концепцию «русского социализма», согласно которой русская деревенская община уже содержит элементы социализма. Герцен видел в общине основу для построения справедливого общества, минуя капиталистическую стадию развития. Коллегой его по революционно-демократическому лагерю был Бакунин. М. А. Бакунин — теоретик анархизма, чьи идеи оказали значительное влияние на радикальные движения в России. Его концепция анархо-коллективизма предполагала, что средства производства должны находиться в общественной собственности, а каждый рабочий получать плату только за реально проделанную работу. Бакунин призывал к немедленному уничтожению государственной власти через стихийный бунт масс. В целом анархизм повлиял на внутреннюю политику следующим образом: анархические идеи приводили к радикализации общества, особенно в период революции 1905-1907 гг.; практика индивидуального и массового террора, против чиновничества разного уровня; давление на государственные структуры посредством нападения; девальвация идеи государственной власти и пр.

Самобытность культуры государственной власти и управления в России в начале XX века и в 1920-е годы проявлялась в радикальных трансформациях, связанных с изменением политического строя, идеологическими сдвигами и попытками сформировать новые модели управления и общественного сознания. Процессы представляли собой многоаспектные, глубокие культурные и философские основания.

Начала XX века охарактеризовалось для Российской империи социально-экономическими и политическими кризисами, но в основе государственной системы по-прежнему оставались консервативные черты, одной из которых была триада Уварова, некоторые базисные основы которой стали постепенно расшатываться. Н. А. Бердяев в книге «Философия неравенства» пишет, поэтому поводу следующее: «Авторитет власти всегда ведь держится религиозными верованиями народа. Когда религиозные верования разлагаются, авторитет власти колеблется и падает» [Бердяев, 2012, с. 556]. Происходит разрушение традиционных и патриархальных устоев, подрыв социальных связей, выражающихся, как пример, в рабочей среде, различного рода забастовках. Одним из важнейших событий начала века была революция 1905-1907 гг. и действий, которые совершали государственные служащие во главе с императором.

Николай II избрал путь не диктатуры, а либеральных реформ, которые и провозгласили Манифест 17 октября 1905 года. Он заложил основы перехода от неограниченной монархии к конституционной, при этом сам (манифест) представлял собой синтез и того и другого. Манифест содержит три пункта. Во-первых, он обещает дать свободы (слова, собраний и т. д.), во-вторых, он объявляет о предстоящей демократизации выборов в Государственную Думу, в-третьих, он придает Государственной Думе характер законодательного учреждения [Леонтович, 1995, с. 356]. Тем самым происходила адаптация власти к новым социальным реалиям. При этом не стоит забывать о различных социальных волнениях, группах, которые хотели коренных изменений, одной из которых были радикалы. В. В. Леонтович описывает их следующим образом: «Радикалы, как уже было сказано, стремились к тому, чтобы сосредоточить всю государственную власть в руках народного представительства, в котором они сами надеялись располагать большинством голосов. Иными словами, они совершенно не искали сотрудничества с исторической властью, а требовали от этой власти безусловной капитуляции» [Леонтович, 1995, с. 378]. Их позиция достаточно очевидна, происходил процесс модернизации системы без глубоких изменений, это сопровождалось расплывчатостью формулировок законов и сложностями с переходом, которые государственные структуры желали нивелировать. «Народное представительство должно обеспечить внутреннее умиротворение и «преобразование государства». Поэтому народное представительство не может носить цензový характер» [Леонтович, 1995, с. 332], на практике происходило иначе. Итогом стало складывание Третьеиюньской монархии (думской монархии) просуществовавшей до 1917 года, которая сменится Временным правительством, а затем и СНК.

После «Великой Октябрьской социалистической революции» к власти приходит советская власть. Формирование государственного аппарата начинается с момента передачи II Всероссийским съездом Советов на законодательном уровне власти Советам. Решающее значение имело объединение ЦИК Советов крестьянских депутатов с ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. При этом нужно помнить что «Советская власть – не демократическая власть, - как описывал её В. В. Леонтович, и не поставлена каким-либо учредительным собранием. Но никакая власть не создавалась формально, ее всегда создает сила. И советская власть оказалась единственной возможной в России властью в момент разложения войны, которой русский народ не имел силы вынести, в момент духовного упадка и экономического разгрома, в момент ослабления нравственных устоев. Эта власть оказалась народной в очень нелестном для нее смысле» [Бердяев, 2012, с. 555].

Диктатура пролетариата как новая форма классовой борьбы приобрела новое оружие после революции – государство. Правда, мнение В. И. Ленина и С.Л. Франка по этому поводу

разнятся. Последний подразумевал, что: «Всякая диктатура сильна, жизнеспособна и онтологически правомерна, лишь поскольку она, с одной стороны, сама творится свободной нравственной волей, волей к подвигу ее активных участников и, с другой стороны, есть лишь переходная мера, некая самодисциплина или самообуздание, наложенное на себя обществом в интересах внутреннего оздоровления, некая временная суровая аскетика, имеющая своей последней задачей восстановление нормального» [Франк, 1992, с. 115–116]. Правда в новых условиях, с новыми проблемами и идеологией никто толком не понимал что такое норма, но строительство нового государство все равно продвигалось.

Органом управления РСФСР Конституция объявляла СНК, предусматривалось функционирование 17 комиссариатов. Конституция утвердила единые для всей страны нормы, касающиеся структуры, функций, взаимоотношений и компетенций всех основных компонентов советской системы управления – от высших до низших [Туфанов, Кравченко, 2019, с. 93]. Влияние основного закона отразилось на Конституции СССР, 30 декабря I съезд Советов Союза ССР создал союзное государство. ЦИК Союза поручил президиуму ЦИК подготовить положение о Совете Народных Комиссаров и Совете Труда и Обороне СССР, о союзных наркоматах и о проектах атрибутики нового государства: флаге и гербе. 31 января 1924 г. текст Конституции был утвержден II съездом СССР. Тем самым закончилось оформление, но вопрос о власти был открыт, так как по мысли С.Л. Франка: «В абсолютной монархии или диктатуре народом правит монарх или диктатор с помощью подбираемой им группы сотрудников, возглавляющих бюрократию» [Франк, 1992, с. 119]. И здесь сразу встает вопрос, связанный с чиновничеством.

В. И. Ленин в работе «Революция и государство», говорит о постепенном отмирании чиновничества: «Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, против превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры». Но уже в «Проекте платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б) (Кризис партии и пути его преодоления)», Л. Д. Троцкий отмечает проблему раздутых штатов, и волокиту в аппарате связанную с бюрократизацией. П. Б. Струве по аналогичному поводу принадлежат слова: «В настоящий момент, когда мы живём под властью советской бюрократии и под пятой Красной гвардии, мы начинаем понимать, чем были и какую культурную роль выполняли бюрократия и полиция низвергнутой монархии», из сборника статей «Исторический смысл русской революции и национальные задачи». То есть продолжение традиционных форм авторитаризма в России. К подобному выводу приходит Н. А. Бердяев: «Коммунизм в России принял форму крайнего этатизма, охватывающего железными тисками жизнь огромной страны, и это к сожалению вполне согласно со старыми традициями русской государственности» [Бердяев, 1955, с. 117].

При этом не стоит забывать о феномене вождизма, который практически сразу пришел на смену власти императора. И по мнению все того же Н. А. Бердяева, ленинизм был новым типом вождизма, с характерной для этого диктаторской властью.

Заключение

Таким образом, самобытность культуры государственной власти и управления в России во второй половине XIX- 20 годы XX века заключалась в уникальном сочетании традиционных институтов с модернизационными, на первом этапе. Второй ознаменовался увеличением

либеральных тенденций и формировании по сути конституционной монархии, а третий – сменой политической системы. При этом для всех трех этапов характерны общие самобытные элементы: большой штат, а отсюда формализм и бюрократизация; наличие консервативных идей, как форм борющихся, в том числе с гражданским обществом; большое влияние централизованной власти в лице первого лица государства, будь то император или вождь. Тем самым эти особенности отражали противоречивость исторического развития страны, с сохранением элементов прошлого, а идеологические конфликты определяли характер государственного управления и культурной политики.

Библиография

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: УМСА-РВЕББ, 1955. 158 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба русского консерватизма // Киносценарии. 1989. № 5. С. 8.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства / Составитель и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
4. Глухих Я.А. Либерализм в России как общественно-политическое направление во второй половине XIX – начале XX веков // Вестник МГТУ. 1999. Т. 2. № 1. С. 47–52.
5. Ильин И.А. О монархии и республике / Ред., предисл. и «Прил.» Н.П. Полторацкого. Нью-Йорк: Содружество, 1979. 329 с.
6. Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1898. Т. 2. С. 1069–1070.
7. Леонтович В.В. История либерализма в России, 1762–1914 / Пер. с франц. М.: СП «Русский путь», Полиграфресурсы, 1995. 445 с.
8. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Сочинения К.Н. Леонтьева. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1876. С. 144.
9. Розанов В.В. М.П. Соловьев и К.П. Победоносцев о бюрократии. СПб.: Лань, 2013. 4 с.
10. Тесля А.А. Русский консерватор: о системе политических воззрений К.П. Победоносцева 1870–1890-х годов // Центр фундаментальной социологии. 2017. Т. 16. № 1. С. 151–172.
11. Туфанов Е.В., Кравченко И.Н. К вопросу о становлении советской системы органов государственной власти и управления в 1920-е гг. // Современная научная мысль. 2019. С. 89–95.
12. Фадеев Р.А. Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?) // Собрание сочинений. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1889. Т. 3. Ч. 1.
13. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. 147 с.

The Distinctiveness of the Culture of State Power and Administration in Russia in the Second Half of the 19th–1920s: A Cultural-Philosophical Aspect

Aleksandr V. Sen'ko

Postgraduate Student,
Department of Philosophy and Cultural Studies,
Altai State Pedagogical University,
656031, 5, Molodezhnaya str., Barnaul, Russian Federation;
e-mail: senko.aleksander2017@yandex.ru

Abstract

The article examines, through cultural-philosophical reflection, the distinctiveness of the culture of state power and administration in Russia in the second half of the 19th–1920s. The methodological basis rests on three ideological paradigms: conservative, liberal, and radical. Their

essence reflects the functioning of the mechanisms of state power, its specificity, and internal dialectical nature. Each ideological platform forms its own strategy and basic understanding based on its core principles or practices. For conservatism, the most important element is the theory of official nationality by S.S. Uvarov — "Orthodoxy, autocracy, nationality." For liberalism — the ideas of K.D. Kavelin, formulated by him in the document "Note on the Emancipation of the Peasants" (1855), which laid the foundation for evolutionary liberalism, expressed in reforms "from above." For radicalism — the ideas of A.I. Herzen and M.A. Bakunin, which led to various kinds of radicalization of society and devaluation of authority. The crisis phenomena in various spheres of society, manifested in the revolution of 1905–1907, were most pronounced in the revolutions of 1917, determining a new direction for the movement of the state, on new terms and with a new structure of state power and ideology — Soviet. But with the same cultural core in the realm of the distinctiveness of the culture of state power and administration.

For citation

Sen'ko A.V. (2026) Samobytnost' kul'tury gosudarstvennoy vlasti i upravleniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX – 20 gody XX veka: kul'turfilosofskiy aspekt [The Distinctiveness of the Culture of State Power and Administration in Russia in the Second Half of the 19th–1920s: A Cultural-Philosophical Aspect]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 16 (2A), pp. 76–85. DOI: 10.34670/AR.2026.83.81.009

Keywords

Distinctiveness, bureaucratism, conservatism, liberalism, radicalism, risk management, research methodology.

References

1. Berdyaev, N. A. (1955). *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. UMSA-RWEBB.
2. Berdyaev, N. A. (1989). Sudba russkogo konservatizma [The fate of Russian conservatism]. *Kinostsenarii*, (5), 8.
3. Berdyaev, N. A. (2012). *Filosofiya neravenstva* [The philosophy of inequality]. Institut russkoy tsivilizatsii.
4. Fadeev, R. A. (1889). Russkoe obshchestvo v nastoyashchem i budushchem (Chem nam byt?) [Russian society in the present and the future (What should we be?)]. In *Collected works* (Vol. 3, Part 1). Tip. V.V. Komarova.
5. Frank, S. L. (1992). *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society].
6. Glukhikh, Ya. A. (1999). Liberalism v Rossii kak obshchestvenno-politicheskoe napravlenie vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov [Liberalism in Russia as a socio-political movement in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik MGTU*, 2(1), 47–52.
7. Ilyin, I. A. (1979). *O monarkhii i respublike* [On the monarchy and the republic]. Sodruzhestvo.
8. Kavelin, K. D. (1898). *Collected works* (Vol. 2). St. Petersburg.
9. Leontovich, V. V. (1995). *Istoriya liberalizma v Rossii, 1762–1914* [History of liberalism in Russia, 1762–1914]. SP "Russkiy put", Poligrafresursy.
10. Leontiev, K. N. (1876). Vizantizm i slavyanstvo [Byzantinism and Slavdom]. In *Works of K.N. Leontiev*. Imperial Society of History and Antiquities of the Russian Empire under Moscow University.
11. Rozanov, V. V. (2013). *M.P. Solovyov i K.P. Pobedonostsev o byurokratii* [M.P. Solovyov and K.P. Pobedonostsev on bureaucracy]. Lan.
12. Teslya, A. A. (2017). Russkiy konservator: o sisteme politicheskikh vozreniy K.P. Pobedonostseva 1870–1890-kh godov [Russian conservative: On the system of political views of K.P. Pobedonostsev in the 1870s–1890s]. *Tsentr fundamentalnoy sotsiologii*, 16(1), 151–172.
13. Tufanov, E. V., & Kravchenko, I. N. (2019). K voprosu o stanovlenii sovetsoy sistemy organov gosudarstvennoy vlasti i upravleniya v 1920-e gg. [On the formation of the Soviet system of state power and administration in the 1920s]. *Sovremennaya nauchnaya mysl*, 89–95.